

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

А
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1962 ГОД

(к 70-летию академика М. Н. Тихомирова)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1 9 6 3

Д. С. Лихачев

**К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ПОВЕСТИ
О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ**

Как известно, Повесть о разорении Рязани Батыем входит в целый цикл рязанских повестей о Николае Заразском¹. В этом цикле соединены произведения: Повесть о принесении иконы Николы Заразского из Корсуня, «Род служителей иконы Николы», Повесть о разорении Рязани Батыем, Похвала роду рязанских князей, так называемое «Коломенское чудо», и часто присоединяемая к этому циклу Повесть об убиении Батыя. Все эти произведения созданы в различное время и различными авторами, но даже сами по себе они не однородны. Неоднородна в первую очередь Повесть о разорении Рязани Батыем². Ясно, что она пережила сложную литературную историю в составе цикла, а может быть, еще до своего включения в него.

Изучение литературной истории о разорении Рязани Батыем сильно затрудняется, однако, тем, что древнейший ее список — не старше XVI в. (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Волоколамский, 523). На помощь приходит, однако, изучение взаимоотношений Повести о разорении Рязани с другими произведениями русской литературы: повесть уже в XIII, XIV и XV вв. оказала влияние на ряд памятников и в свою очередь сама испытала их влияние, а также воздействие идей и стилей, характерных для той или иной эпохи.

Исключительный интерес для выяснения древнейших этапов сложения Повести о разорении Рязани Батыем имеет Синодальный список Новгородской первой летописи, где под 1238 г. читается рассказ о нашествии татаро-монголов на Рязань. Рассказ этот читается в той части Синодального списка, которая в последнем научном его издании, выполненном А. Н. Насоновым под редакцией М. Н. Тихомирова, определена как относящаяся к первой половине XIV в.³

Рассказ содержит целый ряд текстуальных совпадений с Повестью о разорении Рязани Батыем:

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском (тексты). «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII. М.—Л., 1949. В дальнейшем все ссылки на текст Повести о разорении Рязани по этому изданию.

² Там же, стр. 257—264.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. Ответственный редактор М. Н. Тихомиров. М.—Л., 1950, стр. 5. В дальнейшем все ссылки на Новгородскую первую летопись по этому изданию.

В то лето придоша иноплеменьници, глаголемии татарове, на землю Рязаньскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа станомъ ту. И оттоле послаша послы своя, жену чародеицю и два мужа с нею, к князем рязаньским, просяче у них десятины во всеь: и в людех, и в князех, и в коних, во всякомъ десятое (стр. 74).

И рекоша им князи: «олна нас всех не будетъ, тоже все то ваше будетъ» (стр. 74).

Послаша же рязаньстии князи к Юрью Володимирьскому, просяче помочи, или самому пойти. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князии рязаньских молбы, но сам хоте особъ брань створити. Но уже бяше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Исусу Наугину богомъ; егда веде я на землю обетованую, тогда рече: аз послю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Также и преже сих отъя господь, у нас силу, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша (стр. 74—75).

Тогда же иноплеменьници погании оступиша Рязань и острогомъ оградиша и... Татарове же взяша град месяца декабря в 21, а приступили в 16 того же месяца. Также избиша князя и княгню, и мужи и жены и дети, черница и черноризиць, иерея, овы огнемъ, а инех мечемъ, поругание черницам и попадьям и добрым женам и девицам пред матерьми и сестрами (стр. 75).

Впервые на сходство Повести о разорении Рязани Батыем и Летописной статьи 1238 г. Новгородской первой летописи обратил внимание В. Л. Комарович в статье «Рязанский летописный свод XIII в.»⁴ В. Л. Комарович считал, что в различных летописях сохранились остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича. В частности, он предполагал, что не только рассказ о нашествии Батыя на Рязань в Новгородской первой летописи, но и рассказы в Лаврентьевской, Ипатьевской, Троицкой и др. восходят к рязанской. Однако следует сказать, что рассказ Новгородской первой летописи о нашествии Батыя на Рязань не похож ни на один другой рассказ летописей о нашествии на Рязань, кроме тех, которые имеют непосредственную генетическую зависимость от него. Отмечу, в частности, что рассказ Ипатьевской летописи о нашествии татар на Рязанскую землю не имеет ничего общего с рассказом Новгородской первой. Некоторое, отдаленное сходство рассказа Лаврентьевской летописи о нашествии на Рязань⁵ и Новгородской первой решительно разбивается о то, до сих пор

Прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими, и ста на реке на Вороняже. И посла на Рязань к великому князю Инъгоревичю Рязанскому послы безделны, просяще десятины во всех во князех, и в людех, и в конех (стр. 308).

Благоверный же князь Федор Юрьевич посмеяся и рече царю: «Не полезна бо есть нам крестьяном тебе нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блуд. Аще нас преодолеешь, то и женами нашими владети начнешь» (стр. 309).

И посла вскоре во град Владимир к великому князю Юрью ко Всеволодичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пошел...

Князь великий Юрьи Всеволодич Владимирской сам не идяше, не послуша совета рязанского, хотя сотворити о себе брань з Батыем. Но противу гневу божию хто постоит, страха и трепету сия вся наиде грех ради наших (стр. 310).

И обступиша град Рязань, и начаша битися прилежно, и бишася у града пять дней неотступно... и взят бысть град Рязань месяца декабря в 21 день. И пожегоша весь град и княгиню великую со снохами и с прочими княгинями во церкви соборней мечи изсекоша, иерея и черноризцов до останка изсекоша... (стр. 313).

⁴ История русской литературы, т. 2, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 74—77.

⁵ Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Л., 1926; вып. 2. Л., 1927. В дальнейшем все ссылки по этому изданию.

незамеченное обстоятельство, что в основной своей части это сообщение повторяет слова и выражения Повести временных лет о мучениях, которым русские подвергали греческое население по обе стороны пролива Суд в 941 г. Рассказ Лаврентьевской летописи 1237 г. настолько близок к ее же рассказу 941 г., что даже сохраняет детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.

941 г.

...и всю страну Никомидийскую попленивше и Суд весь пожгоша. Их же емше овех растинаху, другия аки странь поставляюще и стреляху в ня, изимахуть опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть их. Много же святых церквии огнем предаша, монастыре и села пожгоша и именья немало от обою страну взяша (вып. 1, стб. 44).

1237 г.

...и до Проньска попленивше Рязань весь и пожгоша, и князя их убиша, их же емше овы растинахуть, другия же стрелами растреляху в ня, а ини опаки руце съвязывахуть. Много же святых церквии огневи предаша, и монастыре и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша (вып. 2, стб. 460).

Это «обою страну» могло касаться только пролива Суд, его обеих сторон, но не Рязанской земли.

Ясно, что рассказ Лаврентьевской летописи не мог принадлежать рязанцу. О князе рязанском сказано там, как о постороннем: «князя их убиша». Рассказ Троицкой летописи, как и некоторых других, соответствует рассказу Лаврентьевской. Между тем рассказ Новгородской первой летописи действительно указывает на рязанца как на своего составителя: «И кто, братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых... Да и мы то видевше, устрашился быхсм...» (стр. 75). Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа Новгородской первой летописи и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град», даты подхода татар к Рязани и взятия города указаны совершенно точно (16 декабря и 21 декабря).

Вся статья 1238 г. в Новгородской первой летописи носит компилятивный характер — сперва в ней помещен рязанский рассказ, потом рассказ о взятии Владимира, сходный с Лаврентьевской летописью и восходящий, очевидно, к ростовскому летописанию, затем — выдержка из Поучения о казнях божиих, читающегося в Повести временных лет под 1068 г.

Рязанское происхождение рассказа в Новгородской первой летописи согласуется с тем, что в той же летописи под 1218 г. читается и другой рязанский рассказ: об убийстве рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. На его рязанское происхождение указывает не только содержание, но и обособленность от остального изложения в Новгородской первой летописи, ряд подробностей чисто местных, страстность прямого обращения к одним рязанским князьям с обличением их злодеяний и идеализация других.

Есть основание думать, что перед нами не два случайно и независимо друг от друга попавших в Новгород рязанских рассказа, а остатки рязанской летописи. Об этом свидетельствует в первом рассказе обещание рассказать о смерти князя Ингваря, точность дат, имен, перечислений и пр.

Итак, в Новгородской первой летописи сохранились под 1218 и 1238 гг. остатки рязанской, весьма литературно украшенной и полной страстного обличительного пафоса летописи. Теперь обратим внимание на то обстоятельство, что в Повести о разорении Рязани также наличествуют остатки летописной формы и летописного стиля: «В лето 6745...» (стр. 308), «месяца декабря в 21 день...» (стр. 313), «И бысть радость крестьяном, их же избави бог рукою своею кърепкою от безбожных тотар» (стр. 321) и пр.

Нет оснований думать, что рассказ Новгородской первой летописи зависит от Повести о разорении Рязани Батыем. Он отличается от него некоторыми историческими деталями в перечислении имен князей и имеет

некоторые живые подробности, которых нет в Повести о разорении Рязани (в частности, о татарских послых сообщена любопытная подробность, что среди них была «жена чародейца», сообщается, что татары, обступив Рязань, «острогом оградяша и» и др.).

Можно, скорее всего, думать, что оба повествования — Новгородской первой летописи и Повести о разорении Рязани — восходят к единому источнику, который в Новгородской первой летописи был, возможно, значительно сокращен, а в Повести о разорении Рязани расширен вставками. В связи с этим укажем на следующее. Рассказ Новгородской первой летописи представляет по своему составу законченное целое. Он оканчивается обычным для такого рода повествований нравоучительным заключением: «И кто, братъе, о семь не поплачется, кто ся нас остал живых, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видевши, устрашилися быхом и грехов своих плакалися с въздыханиемъ день и ноць; мы же въздыхаем день и ноць, пекущеса о имении и о ненависти братьи» (стр. 75). После этого следуют слова, указывающие на обращение летописца к другому источнику: «Но на подлежащая възвратимся» (стр. 75).

По общему ходу изложения в Повести о разорении Рязани далее должен был бы идти рассказ о подвиге Евпатия Коловрата. Но он не нашел в повести своего отражения, и это не случайно. Не встречается он и во всех тех памятниках конца XIV и XV в., на которые повлияла Повесть о разорении Рязани. Отсюда можем предполагать, что рассказ о Евпатии — позднейшая вставка, весьма возможно, сделанная на основании фольклорных источников⁶. Не было в Повести о разорении Рязани и рассказа о гибели князя Федора, его жены Евпраксии и сына Федора. Он носит вставной характер, и дважды нашел отражение в повести, очевидно, по недосмотру компилятора. Не было и плача Ингваря Ингоревича, так как он создан явно под влиянием позднейшего плача Евдокии из Слова о житии и преставлении царя русского и великого князя Дмитрия Ивановича. Характер вставки носит и рассказ о гибели Олега Красного⁷. Если мы исключим из Повести о разорении Рязани все эти вставки, то получим приблизительно то самое содержание, которое отразилось в рассказе Новгородской первой летописи о нашествии Батыя на Рязанскую землю. Различие будет только в именах князей и в изображении их похорон. Очень может быть, что это различие также возникло в результате вставок и изменений в Повести о разорении Рязани под влиянием местных памятников: в число убитых составитель позднейшей версии Повести включил всех князей, имена которых он смог прочесть на могильных надписях в Успенском соборе старой Рязани или в рязанском княжеском помяннике⁸.

Итак, по нашим предположениям, в основе Повести о разорении Рязани Батыем лежит рассказ рязанской летописи, отразившийся в своей наиболее древней версии в первой половине XIV в. в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1238 г. и дополненный впоследствии в повести в разное время фольклорными данными, данными местных легенд и сведениями, почерпнутыми из эпиграфических памятников.

⁶ Песня о Евпатии Коловрате. В кн.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 58—63.

⁷ См. об этих вставках: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском, стр. 257—264.

⁸ Военские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 141.